
ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В НОВЕЛЛЕ ОСИПА ДЫМОВА «НАСЛЕДИЕ»

И.А. Верховых

Московский государственный машиностроительный университет
улица Большая Семеновская, 38, Москва, Россия, 107023

Статья посвящена философскому осмыслению взаимосвязи трех временных модусов «прошлое — настоящее — будущее» в новелле Осипа Дымова — малоизвестного массовому читателю прозаика. Автор показывает, как через поэтическую ткань текста Дымов передает полифонию взглядов современников, их неоднозначное отношение к тому, стоит ли перекладывать в новый чемодан содержимое из старого потрепанного багажа истории. Скрупулезный анализ поэтики новеллы «Наследие» дает возможность проследить, какой непростой путь преодолевает писатель в поисках решения этой проблемы, как формируется его собственная концепция взаимосвязи трех модусов *времени* с пространством и материей.

Ключевые слова: ревизия духовных ценностей, временной модус, стилистическая контаминация, аллюзия, антитетические образы, великий круговорот бытия

В истории через болезненное и дурное время,
пожирающее и истребляющее, превращающее
жизнь нашу в кладбище, где на костях умерших
отцов воздвигается новая жизнь сынов, забывших
отцов, действует истинное время, неразорванное
время, время, поддерживающее связь, в котором нет
разрыва между прошлым, настоящим и будущим.

Н. Бердяев «Смысл истории».

Социальные коллизии, кризис в естествознании, переосмысление прошлых философских концепций — все это привело в начале XX в. к ревизии духовных ценностей, апокалиптическим настроениям, разделению соотечественников на тех, кто скептически смотрел на политические, культурные, религиозные преобразования и пытался вернуть на «пароход современности» представителей классического культурного наследия, и на тех, чье радикально-реформаторское чувство жизни позволяло без сожаления бросать в костер истории все прежние достижения человеческой мысли, с неоглядным оптимизмом и полной уверенностью в знании начатого дела строить свое счастливое будущее. Неслучайно проблема исследования философской категории *времени* вновь обрела актуальность и значимость в среде философов, историков, литературоведов. Из многообразия существовавших тогда осмыслений того, что есть *время*, молодого прозаика Осипа Дымова, знакомого в начале 1900-х гг. уже со многими маститыми представителями мыслящей интеллигенции, особенно заинтересовал временной модус «прошлое — настоящее — будущее» и его связь с пространством и материей. Успешный журналист, автор язвительных сатирических зарисовок, вдруг публикует несвой-

ственную его художественному почерку новеллу «Наследие», в которой достаточно глубоко, при сравнительно небольшом объеме произведения, затрагивает философскую проблему взаимосвязи трех модусов *времени* и антагонистического отношения значительной части общества к временному модусу «прошлое».

Новелла «Наследие», первоначально включенная в «зимний» цикл рассказов Дымова «Солнцеворот» (1905) [1], настолько непохожа на остальные произведения книги, что столетие спустя она единственная была опубликована в сборнике «Тень Филлиды. Исторические и фантастические новеллы серебряного века» без упоминания принадлежности к циклу «Солнцеворот» [2].

Чтобы показать губительность крена культуры в сторону модуса будущего, автор-философ Дымов обращается к трем ипостасям человеческого наследия: предметам, идеям, словам, значимым для понимания подлинного смысла настоящего и осознания уважительного отношения к своей истории. Каждой из них посвящена отдельная часть новеллы. В ее первой и последней редакциях начала частей отличаются друг от друга (1). В «Наследии», вышедшем в составе сборника «Солнцеворот» в 1905 г., Дымов прямо называет своего единственного персонажа, — бессонницу, шепчущую ему о предметах, идеях, словах. Начало частей в последней редакции рассказа иное: «...Он, второй, выползающий из мозга в бессонницу, стал говорить мне о предметах, закрывающих от нас мир», «... рассказывать мне об идеях...», «... шептать мне о словах...». Вероятно, автор посчитал нужным усложнить читателю задачу определения источника глубоких философских размышлений о существующей исторической взаимосвязи и неразрывности всех трех ипостасей человеческого наследия. Сама же скоррелированность ипостасей носит безусловный характер, и в обеих редакциях она подчеркнута приемом лексико-синтаксического повтора: Дымов трижды воспроизводит первые предложения каждой части. Размышления персонажа о наследии прошлого последовательны, логичны; они не носят характер отрывочных, выхваченных из глубин сознания мыслей, как может показаться сначала, если читатель сконцентрируется лишь на такой особенности авторского оформления текста, как короткие абзацы. Один абзац действительно включает от одного до трех предложений, но все они связаны между собой общей темой, каждый сигнализирует читателю о новом повороте в рассуждениях персонажа о взаимосвязи прошлого и настоящего. Отметим также и эстетическую функцию многочисленных дымовских абзацев: прозаический текст не только богатой палитрой стилистических приемов, но и специфической формой напоминает читателю поэтическое лирическое произведение.

Поэтизация прозаического текста облегчает восприятие читателем сложных философских рассуждений героя о «письменах времени», тайнах прошлого, «затвердевании эпох», субъективно-оценочный характер которых подчеркивается с помощью множества речевых эпитетов и метафор: «осиротевшие стены», «пестрая смесь мыслей», «бесшумные и упдающие крылья десятилетий» и пр. Размышления о том, что даже в «незначительных мелочах существования» «закрепилась мысль прошлого», носят ярко выраженный амплифицированный характер изложения: от «привычек, мыслей, особенностей характера, манеры ходить, пожимать руку» — всего того, что попадает «в общий круговорот бытия» вместе с

телом человека, Дымов переходит к «незначительным мелочам», таким, как «обои, письменный стол, подделанный под орех, комод из красного дерева» и др. Автор нагнетает однородные дополнения не столько ради ритмической организации прозаического текста, сколько для убеждения читателя в значимости сохранения для последующих поколений целого комплекса того, что отражает в себе «умершую идею прошлого». Пользуясь своим излюбленным приемом — лексическим повтором (в рассказах сборников «Солнцеворот», «Земля цветет», в романе «Бегущие креста» и других произведениях этот стилистический прием не раз помогал Дымову выделить главное), автор еще неоднократно упоминает в новелле и «письменный стол, подделанный под орех», и «комод из красного дерева», и прочие предметы домашнего быта, чтобы акцентировать внимание читателя на том, что именно «в неодушевленных предметах живут цепи, сталью связывающие поколения, сковывающие прошлое с расцветающим будущим».

Но и на этой сложной стилистической контаминации прозаик и философ Дымов не останавливается. Стены, потолок, окно — все это синекдоха, которая у Дымова нередко настолько плотно переплетается с метафорой, что читатель вынужден вдумчиво и осторожно распускать канву текста, чтобы постигнуть его смысл. Так, автор пишет: «Мы боремся со стенами, изнываем под крышей, прикованы к наследию предков. Крыша скрывает солнце, навевая, как облако прошлого, тень на наше лицо, на руки, на ищущие, страдающие и одинокие глаза наши. Между новой нарождающейся идеей и нами часто непреодолимой преградой становятся стены, неодушевленные предметы, те, что ревниво стерегут плен наших мыслей...». Крыша, стены, подчас не дающие человеку жить своей жизнью, двигаться в будущее, — это синекдохическое название родительского дома и метафорическое обозначение довлеющей на человека тени прошлого.

В наследии прошлого Дымов видит свидетельство неразрывной связи истории с действительностью. Время нелинейно, считает писатель. Внимательный наблюдатель, умеющий «оживить каждую мелочь, придающую смысл и значение всему приходящему с нею в соприкосновение» [3. С. 70], прозаик при помощи метафор и олицетворений настойчиво подчеркивает одушевленный характер передающихся по наследству вещей («Со всех сторон обступили нас тесной тусклой толпой стулья, посуда, книги и стены. Все это было, было раньше, до нас, и шепчет. Непрестанно шепчет. Гипнотизирует. Угнетает волю, мысль, влияет на психику, на судьбу, на жизнь нашу»). Вещи персонифицируются; они то оживают («толпятся в гостиной», «видят», «стерегут», «слушают»), то снова «умирают». Чтобы показать читателю, что нельзя отвергать наследие прошлого, поскольку оно сохраняется в настоящем времени, писатель использует различные лексико-семантические средства: единоначатие («Здесь в углах что-то осело, спряталось, замерло и тихо-тихо уснуло.... Здесь закрепились мысль прошлого, мысль наших дедов»), синонимию («В предметах старины есть душа, одушевленность»).

«Запасы материи», проникающие из прошлого в настоящее, являются доказательством тому, что в один момент времени человек сосуществует сразу в двух модусах. Доводом в пользу нелинейности времени служит обозначенная Дымовым возможность влияния не только прошлого на настоящее, но и настоящего на прошлое. Отсюда двойной синтаксический хиазм: «Странно и чудесно это вли-

яние человека на стены и стен на человека. Мертвая материя принимает, чтобы отдать, и отдает, чтобы принимать». Драматизируя с помощью приема антитезы скромное и неприметное бытие одушевленных «шпионов нашего существования» (так метафорически названы у Дымова предметы из прошлого): «то нарядные... то бедные и серые...», прозаик доносит до читателя мысль о необходимости бережного отношения к наследию предков.

Из обычного стилистического приема в первой части новеллы антитеза вырастает до одной из смысловых моделей рассуждения персонажа во второй части. Дымовский «второй» противопоставляет различные подходы к понятию *времени* и взаимосвязи *времени* и *бытия*. С одной стороны, «мысль прошлого» прочно закрепились в сознании человечества. Время застыло в предметах и словах и авторитетно диктует потомству пути и маршруты. В ткань рассуждений героя органично вплетаются традиционные эпитеты, логические определения («седая старина», «неизменные спутники», «непреодолимая преграда», «незыблемый фундамент», «указующий перст»), простые и развернутые метафоры («река жизни», «зачем плыть на корабле неизвестности, не зная маршрута, не ведая розы ветров, когда большой надежный пароход, испытанный в плавании, берет нашу лодку на буксир?»), риторические восклицания («ведь книги — та же жизнь, ее отражение, ее сущность...»).

Взаимосвязь *времени* и *бытия* обнаруживает себя цикличностью человеческого существования, представленной Дымовым так: «А вечером, когда из-за спящего пруда поднимется, серебря воду, месяц, человек зажжет электрическую лампу. И будет читать: про то, что поднялся месяц над ночным прудом...» [1. С. 137]. Удивляет, как неожиданно дымовский персонаж перешел от сложных философских рассуждений о цикличности бытия к примитивному примеру, иллюстрирующему этот «великий круговорот». С таким незамысловатым представлением философской категории *времени* мы столкнемся, например, в стихотворении Г. Иванова, которое, думается, содержит аллюзию на отрывок из дымовской новеллы:

И отражается в озере,
И холодеет на дне
Небо, слегка декадентское
В бледно-зеленом огне.

Все в этом мире по-прежнему,
Месяц встает, как вставал<...> [4].

Персонаж Дымова рассуждает о том, что для человечества является естественным время от времени переворачивать песочные часы. «В песке жизни, уже вымытом анализом, — поясняет безымянный герой, — иногда отыскиваются новые крупинцы золота». Наследие предков способно вдохновлять современников. «Странная работа совершается тогда в мозгу таланта-наследника, — размышляет дымовский «второй». — Анализ жизни, сконцентрированный синтезом, опять распадается на составные части, на другие составные части», и тогда «измененные, преобразованные, иначе окрашенные» лучи солнца проникают «через стариковские очки дедов».

С другой стороны, размышляет безымянный персонаж, время тормозит и затрудняет духовный рост человеческого Я, «теоремы становятся аксиомами» без объективного анализа, «без критики». В тексте появляются ироничное «так думаем...» о свойственной каждому человеку надежде: «Придет время, и я выскажусь до конца!»; условное «если бы высказаться...» с безнадежным и гнетущим многообразием в конце. Именно это многообразие становится знаком глубоких авторских переживаний, связанных с драматическим разрушением прежнего мировосприятия, чудовищной ломкой духовных ценностей и идеалов, испытываемой поколением кризисной порубежной эпохи, с проблемой «распада былой целостности сознания цивилизованного человека» [5. С. 12]. Дымовский герой предполагает, что нельзя вдохновляться «отражением» жизни, «ее химическим осадком в лаборатории чужого обобщения». И здесь уже прозаик вслед за многими творческими личностями порубежной эпохи касается проблемы моделирования собственной реальности, основанной на переосмыслении прежнего опыта и построении *своей* картины мира. Тема давления наследия прошлого над человеческим настоящим, так отчетливо прозвучавшая в начале произведения, постепенно сменяется темой ненужности «стариковских очков деда», мешающих воспринимать действительный солнечный свет. И тут появляются иные эпитеты («расцветающее будущее», «робкая постройка прошлого»), другие метафоры («брошенная маска времени», «поле жизни»), неожиданные сравнения («жизнь дистиллируется, как вода в лабораториях»).

Резкая смена стиля изложения в третьей части новеллы помогает ощутить трагическое отчаяние растерявшегося в водовороте событий человека, ценность прошлого которого поставлена под сомнение новой эпохой. Еще современник Дымова К. Чуковский подметил, что «на двадцати строках» у Дымова может «промелькнуть двадцать настроений» [6. С. 46]. Действительно, от возвышенных поэтических философских рассуждений автор вдруг переходит к пригвождающим откровениям, лишаящим читателя надежды на то, что возможно вырваться из плена обыденности. Язык изложения становится экспрессивнее. Звучат определения оценочной лексики: «ничтожный запас», «истлевающий образ», «разрушительный процесс», «отжившие духовные элементы», «обманчивые и стирающиеся от времени слова». Но как только речь заходит о даре скорби, помогающим освятить наследие предков «индивидуальностью личного вдохновения», тон снова меняется, становится эмоционально торжественным, воодушевленным. К. Чуковский предполагал, что «такая ежеминутная подвижность и переменчивость вызывается усовершенствованной писательской техникой — и сама по себе она должно быть прекрасна» [6. С. 47]. В новелле эта «техника» позволяет Дымову скрупулезно исследовать все «за» и «против», уяснить для себя, какая чаша весов истории опустится от тяжести содержимого: та, на которой мертвым грузом лежит кажущееся никому не нужным наследие предков или другая, наполненная новыми веяниями, стирающими культурную память народа.

Анафорическое построение последних фраз новеллы играет роль своеобразного эмоционального итога:

«Дар скорби! Наследие предков освящается индивидуальностью личного вдохновения, исчезает пыль веков, и мертвые буквы начинают звучать песнями творческой жизни...

Дар скорби — дар пытливого анализа, дар символически синтезирующей мысли, дар, улавливающий развитие идей, нарастание оттенков, подробности восприятий...

Дар скорби — пожеланный, заслуженный, осенивший наше искание...

Дар скорби — вот истинный дар высокого божественного происхождения...».

Перед нами метатекстовая аллюзия, указывающая не только на упомянутые Дымовым произведения Ибсена, но и на христианскую эсхатологию, и на басню «Дар скорби» древнегреческого поэта Эзопа:

И все ж нашелся, так решив: — Тебе —

Вся память от покойников в земле,

Все вздохи, слезы, жалкое нытье...

...

И Скорбь удел свой тоже полюбила...<...>[7].

Примененная Дымовым композиция обрамления — последнее предложение рассказа полностью повторяет первое — как бы обосновывает истинность философского суждения о «великом круговороте» бытия и неразрывной связи трех временных модусов.

Сопоставлению различных подходов к понятию *времени* у Дымова подчинены все антитетические образы, так или иначе связанные с физическими категориями — пространством и материей. Сам прозаик, являясь сторонником реляционной концепции, доказывает в итоге: пространство, время, материя органически связаны между собой. Так писатель формулирует *свою* теорию относительности. Примечательно, что это происходит одновременно с публикацией одноименного научного труда Альберта Эйнштейна, с которым Дымов был хорошо знаком (2).

Согласимся с современником писателя А.А. Измайловым в том, что Дымов склонен к «стилистическим выкрутасам» и «психологическим вывертам» (3). «Трескучими» и «витиеватыми» [8. С. 146] назвал бы критик такие, например, фразы из «Наследия»: «Словно обрывки прошлого, затвердевшие в воздухе, висит стеклянная бахрома старинных люстр» или: «...Из-за спящего пруда поднимется месяц, серебря воду и мечты». «Все хотят подмечать, чего никто не видит, — сетовал по поводу вычурности и искусственной образности в современной литературе А.А. Измайлов. — Все торопятся расписаться в каком-то мистическом постижении природы и вещей. Извивы здоровой, трезвой психологии их не занимают» [8. С. 146]. Но позволим себе поспорить с другим критиком-современником Дымова М. Гершензоном в том, что беллетрист намеренно прикрывает смысл своих рассказов «таинственной маской» («Кто примет эту маску за лицо, тот тщетно будет биться над ее смыслом») [9. С. 40]. Для нас, как и для большинства читателей и критиков дымовского творчества, эта маска является показателем «настоящего таланта и красоты» [10. С. 265], свидетельством писательского мастерства, признанного на всех континентах.

В названии новеллы читатель находит ключ к определению концепции прозаика и философа Дымова. Утверждение значимости сохранения наследия прошлого («На наследии прошлого строится здание будущего» — вот основная мысль рассказа) выделяет голос писателя из сложной полифонии противоречивых голосов кризисной эпохи. Провидец Дымов предсказывает: время поможет «вихрю

бессмертия» возродить новую жизнь, «наследие веков» загорится «светом надвигающейся зари». И все это произойдет потому, что только *время* поддерживает связь прошлого с будущим, и эту связь не уничтожат никакие исторические катаклизмы и противоречия. Чаша весов с наследием предков опустится, и оно останется в культурной копилке новой эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Цитаты из «Наследия», приводимые в данной статье, относятся к последней редакции рассказа («Тень Филлиды. Исторические и фантастические новеллы серебряного века». М.: Высшая школа, 2004. 368 с.), кроме одной, особо отмеченной в тексте.
- (2) См. например, статью О. Дымова «Профессор А. Эйнштейн. Личные впечатления» // Варшавская еврейская газета «Сегодня». 15.03.1929.
- (3) Справедливости ради отметим, что среди беллетристов и поэтов, имеющих подобную стилистическую манеру, А. Измайлов называет К. Бальмонта, З. Гиппиус, А. Блока, Ф. Сологуба, А. Чехова, Г. Успенского, А. Каменского и др.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Дымов О. Солнцеворот и НЮ. СПб.: Содружество, 1905. 240 с.
- [2] Тень Филлиды. Исторические и фантастические новеллы серебряного века. М.: Высшая школа, 2004. 368 с.
- [3] Гофман В. Рецензия на сборник юмористических рассказов О. Дымова «Веселая печаль»// Новая жизнь. Изд-во «Нового Журнала для всех». 1911. № 5. С. 265—266.
- [4] Иванов Г. Медленно и неуверенно... URL: <http://www.stihi.ru/2009/03/07/695> (дата обращения: 03.09.2015).
- [5] Мескин В.А. Грани русского символизма: В. Соловьев и Ф. Сологуб: монография. М.: РУДН, 2010. 426 с.
- [6] Чуковский К. От Чехова до наших дней: Литературные портреты. Характеристики. СПб.: Т-во Издательское бюро, 1908. 183 с.
- [7] Эзон. Дар скорби. URL:<http://www.stihi.ru/2010/01/29/3383> (дата обращения: 23.08.2015).
- [8] Измайлов А.А. Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1910. 251 с.
- [9] Гершензон М. Рецензия на сборник Осипа Дымова «Земля цветет» / Критическое обозрение / под ред. Е.Н. Орловой. М.: Типография В.М. Саблина. Вып. I (VI). С. 40—42.
- [10] Гофман В. Рецензия на книгу Осипа Дымова «Земля цветет» // Русская мысль. М.: Типография Т-ва И.Н. Кушнерев и К. Апрель, 1908. С. 69—70.

THE PROBLEM OF TIME IN THE NOVELL "HERITAGE" BY OSIP DYMOV

I.A. Verkhovyykh

Moscow State Technical University
Bol'shaja Semenovskaja, 38, Moscow, Russia, 107023

The article is about philosophic reflection and perception of three time dimensions "past-present-future" in a story written by unfamiliar writer Osip Dymov. The author points out how Dymov conveys the diversity of his contemporaries' opinions through the text's poetics, how he shows their ambiguous

attitude towards the burden of the past, whether it is worth taking history away from a shabby suitcase and packing it to a new, shiny one. Thorough poetic analysis of Dymov's short story "Heritage" not only provides an opportunity to trace back how Dymov has created his own concept of the interconnection between space, matter and the three time dimensions "past-present-future", but it is also shows a severe difficulty of this decision making process.

Key words: revision of cultural wealth, time mode, stylistic contamination, allusion, antithetical images, the great cycle of life

REFERENCES

- [1] Dymov O. Solncevorot i NJu [Solstice and NJu]. SPb.: Sodruzhestvo, 1905, 240 p.
- [2] Ten' Fillidy. Istoricheskie i fantasticheskie novelly serebrjanogo veka [Shadow Phyllida. Historical novels and fantastic Silver Age]. M.: Vysshaja shkola, 2004, 368 p.
- [3] Gofman V. Recenzija na sbornik jumoristicheskikh rasskazov O. Dymova «Veselaja pechal'» [A review of the collection of humorous stories O. Dymova "Merry sorrow"] // Novaja zhizn' Izd-vo «Novogo Zhurnala dlja vsek». № 5. 1911, pp. 265-266.
- [4] Ivanov G. «Medlenno i neuverenno...» [Slowly and hesitantly ...] // Available at: <http://www.stihi.ru/2009/03/07/695> (Accessed 03 September 2015).
- [5] Meskin V.A. *Grani russkogo simbolizma: V. Solov'ev i F. Sologub. Monografija* [Facets of Russian symbolism: V. Soloviev and F. Sologub. Monograph]. M.: RUDN, 2010, 426 p.
- [6] Chukovskij K. Ot Chekhova do nashikh dnejj: Literaturnye portrety. Kharakteristiki [From Chekhov to the present day: literary portraits. Characteristics]. SPb.: T-vo Izdatel'skoe bjuro. 1908, 183 p.
- [7] Ehzop. Dar skorbi [Gift sorrow] // Available at: <http://www.stihi.ru/2010/01/29/3383> (Accessed 23 August 2015).
- [8] Izmajilov A.A. Pomrachenie bozhkov i novye kumiry. Kniga o novykh vejanijakh v literature [Confused gods and new idols. The book about the new trends in literature]. M.: Tipografija T-va I.D. Sytina, M.: 1910, 251 p.
- [9] Gershenzon M. Recenzija na sbornik Osipa Dymova «Zemlja cvetet» [A review of the collection of Osip Dimov "Land of Flowers"] / Kriticheskoe obozrenie. Pod red. E.N. Orlovoj. M.: Tipografija V.M. Sablina. Vyp. I (VI). pp. 40—42.
- [10] Gofman V. Recenzija na knigu Osipa Dymova «Zemlja cvetet» [Book review Osip Dimov "Land of Flowers"] // Russkaja mysl'. M.: Tipografija T-va I.N. Kushnerev i K. Aprel', 1908. pp. 69—70.